

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.4

EDN: MHBVFI

Любительское литературное творчество мужчин как вид самотерапии

Ссылка для цитирования:

Котельников М. П. Любительское литературное творчество мужчин как вид самотерапии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 4. С. 58–77. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.4> EDN: MHBVFI

For citation:

Kotelnikov M. P. (2024) Amateur Literary Creativity of Men as a Form of Self-Psychotherapy. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 4. P. 58–77. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.4>

Котельников Максим Павлович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: maximant13@yandex.ru

В рамках статьи любительское литературное творчество (письмо) рассматривается как самотерапевтическая практика. На основе 11 глубинных интервью, проведенных с мужчинами, автор демонстрирует, что любительское литературное творчество может быть как способом решения жизненных проблем, так и средством, помогающим изменить отношение к ним. Выделяется несколько базовых функций любительского художественного письма: выплеск эмоций, эстетизация тяжелого повседневного опыта, имплицитное общение с людьми посредством текста. Отмечается ряд сложностей, сопряженных с реализацией этой практики. Например, писателям-мужчинам (особенно в юном возрасте) часто говорят, что «писательство — не мужское дело». Информанты указывают на то, что их увлечение письмом не воспринимается близкими как значимое, если оно не приносит дохода и успеха. Помимо этого, информанты, получившие отказ в публикации, сталкиваются с дилеммой: подстроить свое творчество под вкусы издателей (тем самым лишившись письма как практики самотерапии) либо продолжать писать так, чтобы письмо

выполняло терапевтическую функцию, но отказаться от обнародования произведений.

Ключевые слова: художественное письмо; гендер; терапевтическая культура; поле литературы

Введение

Почему люди пишут художественные тексты? На этот вопрос существует ряд конвенциональных ответов. Пожалуй, наиболее социологически фундированным выглядит тезис Бурдьё о том, что поле литературы (наряду с другими полями, будь то политика, наука и т.д.) помогает актерам достичь признания и/или экономического успеха, и письмо — средство для занятия в поле доминирующей (или, как минимум, выгодной) позиции, с высокой долей вероятности гарантирующей успех [Бурдьё, 2000]. Однако такая логика рассуждения приводит к редукционизму по отношению к мотивациям акторов и самим художественным текстам. Зачастую в оптике Бурдьё акторы представляются как стремящиеся к каким-либо выгодам, предоставляемым полем, при этом эмоциональный компонент, связанный с чтением и письмом, практически игнорируется. Также этот исследовательский фокус оставляет в слепой зоне людей, не занимающихся литературой профессионально¹. Для заполнения существующей лакуны культурсоциологи обратились к опыту «простых» читателей, не обремененных филологическим образованием и не являющихся литературными критиками [Vana, 2020]. К примеру, Тумала Олаве на основе глубинных интервью с читательницами выделила четыре наиболее распространенных функции, которые чтение может выполнять в повседневной жизни. К ним относятся получение удовольствия, изучение себя, рефлексия по поводу этических норм и забота о себе [Thumala Olave, 2022].

Признавая важность «поворота к читателю», все же необходимо отметить, что он вряд ли повлиял на доминирующее в социологии представление о письме. Социологи все еще склонны воспринимать его в бурдьёвистском ключе: как борьбу за место под литературным солнцем. В рамках этой работы мы хотим обратить внимание на то, что письмо является частью повседневных практик не только состоявшихся писателей, но и акторов, не связанных с литературой профессионально. Для писателей-любителей письмо может выполнять функции, во многом схожие с теми, которые Тумала Олаве описывает

¹ Отметим, что профессиональный писатель явно претендует на признание относительно широкого круга коллег и лично не знакомых с ним читателей. Кроме того, профессиональный писатель, как правило, включен в обширную сеть взаимодействия с другими агентами, принадлежащими полю литературы: все теми же издателями, редакторами, корректорами и переводчиками. Любитель же пишет в основном для себя или узкого круга читателей, многих из которых, вероятно, он знает лично. Можно сказать, что у любителя нет стремления к достижениям в литературном поле, однако это не значит, что со временем они не могут появиться (например, при получении признания в узком кругу автор может захотеть опубликоваться; отчасти об этом будет сказано в эмпирической части работы).

в исследовании читательниц. Однако письмо и чтение — не идентичные феномены, и поэтому нам представляется важным обсудить любительскую литературу отдельно².

Художественное письмо в контексте «терапевтической культуры»

Наша работа может быть рассмотрена как вклад в исследования, объединенные зонтичным термином «исследования терапевтической культуры». Данные работы характеризуются вниманием к развившимся в конце XX — начале XXI века практикам психологической (и психиатрической) помощи, включающим в себя употребление различных препаратов, посещение психологов, чтение книг и просмотр лекций по популярной психологии, а также использование «альтернативных» методов, будь то медитации, практики осознанности и т.д. [Madsen, 2018]. Широкое обращение к подобного рода практикам формирует у людей «особое психологизированное мировоззрение» [Симонова, 2024: 8], становясь для их пользователей «инструментом управления собственной субъектностью» [Симонова, 2024: 8]. Согласно базовым идеям, заложенным терапевтической культурой, человек сам ответствен за то, как складывается его жизнь; вопрос о том, что различного рода социальные обстоятельства могут детерминировать те или иные стратегии действия и делать некоторые человеческие проблемы неизбежными, в данном случае (намеренно?) остается без внимания [Rimke, 2000]. Тем самым терапевтическими могут оказаться практики, обычно не рассматривающиеся в рамках «терапевтических» исследований, например письмо.

Следует учесть, что наши данные обладают гендерной спецификой (выборка состоит только из мужчин), что влияет на характер получаемых результатов и саму постановку проблемы. Во-первых, мужчины в значительно меньшей степени склонны обращаться за профессиональной психологической помощью, нежели женщины [Seidler et al., 2016]. Во многом такое положение вещей обусловлено патриархальными установками, гласящими, что «настоящий мужчина» должен сам справляться со своими проблемами [Connell, 1995; Emslie et al., 2006]. Вероятно, из-за того, что женщины намного чаще прибегают к терапевтическим практикам, большинство исследователей, изучающих селф-хелп культуру, выбирают в качестве объекта изучения их. В ряде работ подчеркивается, что вместо терапии (например, в случае депрессии) мужчины предпочитают либо не замечать проблему и отвлекаться (уходят с головой в работу и т.д.), либо прибегать к «помощи» психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков и проч.) [Addis, 2008; Glukhova, 2024].

Не утверждая, что практики письма широко распространены, мы, однако, полагаем, что письмо можно рассматривать как средство самопомощи, которое могут использовать мужчины для преодоления жизненных трудностей

² См. также исследования фэндомов, приобретших значительную популярность с распространением интернета [Busse, 2017; Самутина, 2013; Самутина, 2019].

без вреда для собственного здоровья и без активного вовлечения других людей. Это важно, поскольку, согласно исследованиям (и нашим данным), обращение за чьей-либо помощью (иногда даже близких друзей) мужчины могут воспринимать как удар по собственной независимости [Cleary, 2012]. Также письмо, пожалуй, самый доступный вид терапии в экономическом отношении³, поскольку не требует ничего, кроме средства для письма, коим в наши дни обладает любой человек.

Методология исследования

Статья базируется на материалах авторского разведывательного исследования. Проведено 11 глубинных интервью с мужчинами 18–32 лет, которые являются писателями-любителями. Никого из наших информантов нельзя назвать неофитом в мире литературы. На момент проведения интервью один информант обучался в Литературном институте им. Горького, двое — на филологическом факультете других вузов. Один информант посещал курсы журналистики (своего рода лаборатория по творческому письму). Еще один состоял в литературном кружке, члены которого обсуждали как произведения известных авторов, так и собственные. Остальные шестеро увлекались чтением художественной литературы еще со школьного возраста.

Вероятно, чтобы получать удовольствие от написания прозы, необходимо обладать определенным объемом культурного капитала, который, в свою очередь, делает возможным не только само письмо, но и соответствующее к нему отношение [Bourdieu, 1996]. Однако мы полагаем, что для использования письма как своего рода терапии не обязательно иметь *глубокие* познания в художественной литературе, критике или филологии. Единственным обязательным условием для превращения письма в терапию, по-видимому, является любовь к литературе, а не энциклопедические познания в ней. Так как мы исследуем именно любительские практики письма, то важно отметить, что всех наших информантов объединяет, с одной стороны, достаточно богатый опыт написания текстов, с другой — отсутствие печатных публикаций и известности в широких писательских и читательских кругах.

Функции и парадоксы любительского литературного творчества

Опишем функции терапевтического письма, а также парадоксы, с которыми сталкиваются писатели-любители, старающиеся при помощи письма справиться с жизненными трудностями. Так как наше исследование носит разведывательный характер, то выделяемые функции и парадоксы предложены

³ Однако оно может требовать значительного культурного капитала, о чем будет сказано в эмпирической части работы.

в формате первичной аналитики, т.е. не являются окончательными и подлежат дальнейшему расширению и уточнению.

Функция 1. Выплеск эмоций

Наиболее распространенная «точка входа» в письмо для наших информантов — переживание какого-либо эмоционального опыта, потребовавшего «выговориться». В девяти из 11 взятых нами интервью выплеск эмоций (именно с помощью такого словосочетания или в близких выражениях, будь то «разрядка», «снятие напряжение» и т.д.) упоминался как важная функция письма, более того — пять информантов утверждали, что начали писать, чтобы справиться с невыносимыми жизненными обстоятельствами, которые они (по их мнению) не могли изменить. Как правило, негативно заряженные события ставят под сомнение привычный уклад жизни, профессиональную идентичность или отношения с близкими. Предоставим слово одному из наших информантов:

«В первый раз я, если так можно выразиться, взялся за перо лет в 16, когда расстался с девушкой. Ну, на тот момент это были такие своего рода платонические отношения [смеется]. Я сейчас уже точно не помню, что тогда чувствовал, но у нас была прям очень сильная привязанность друг к другу, наверное, даже в большей степени привязанность, чем любовь. Мы постоянно ссорились, удаляли друг друга из друзей ВКонтакте, потом опять добавлялись, и все это длилось в таком режиме, наверное, года два. А потом я узнал, что она состоит в отношениях, нет, “типа отношениях” [показывает пальцами кавычки] с чуваком, который намного старше ее, он был ее репетитором по математике. Ну, я об этом узнал, мы поговорили, посрались, опять друг друга удалили из друзей, все как обычно, но в тот раз мое эго было просто раздавлено. Я после нашего с ней разговора пришел домой и просто разрыдался, все домашние были в шоке, потому что я даже в детстве особо никогда не плакал, просто не умею плакать, а тогда из меня прям ручьем полилось... Я сейчас пропускаю день полного мрака, разговоры с матерью, она, понятное дело, пыталась как-то меня там утешить, но ты, думаю, понимаешь, что в 16 лет, когда от тебя девушка уходит к мужику старше тебя, это просто мрак. Ну то есть реально чувствуешь себя лепешкой на асфальте. И вот день я отлеживался, а на следующий начал писать. Что это был за текст? Сюжет был максимально простой, рассказ коротенький, буквально на три странички. Мотель, Америка, муж застаёт свою молодую жену в постели с каким-то жирным дельцом. Это первая страница, а на остальных двух он их жестоко убивает. Так я, очевидно, пытался, выместить свою злость. Это был очень импульсивный акт письма, но, когда я перечитал, я сам удивился тому, что мне понравилось» (м., 22).

В данном случае разрыв с партнершей стал триггером для акта творчества, при этом письмо было попыткой не осмысления, а именно «выплескивания» переполнявших автора чувств. Важно отметить, что письмо позволяет информанту разрешить ситуацию так, как это невозможно в реальном мире (убийство девушки и любовника), т.е. речь идет не столько о рефлексии, сколько о сублимации. Интересно отметить, что сюжет, рассказанный информантом, предлагает не только альтернативную реальной развязку, но и несколько иные обстоятельства, в которых разворачивается действие: мотель в Америке. Когда я спросил у автора, почему он выбрал именно такую локацию, я получил следующий ответ:

«Тяжело сказать однозначно. Наверное, это откуда-то из массовой культуры образ. Сейчас вот на ум фильм “Психо” пришел. Согласись, что всякого рода насилие в этих придорожных отелях — довольно расхожий образ, поэтому, вероятно, как-то бессознательно я его воспроизвел. Ну и плюс к этому, мне не нравилась идея какого-то абсолютного биографического письма. Не хотелось писать что-то в духе “дорогой дневник, меня бросила девушка, сейчас я буду плакаться”, — такой сразу розовый вайб у всего этого появляется» (м., 22).

Конечно, невозможно с высокой степенью надежности установить, почему автор решил выбрать именно такое место действия (его интерпретация, разумеется, интересна, особенно в контексте разговора о влиянии массовой культуры на репертуары воображения людей [Swidler, 1986], однако эта интерпретация отделена от акта письма шестилетним промежутком. Но здесь важно другое: информант отмечает свое нежелание буквально воспроизводить фактические обстоятельства разрыва. На мой взгляд, это отсылает нас к гендерным стереотипам о том, как мужчинам следует реагировать на разрыв: вместо обсуждения причин разрыва и длительных внутренних рефлексий мужчины склонны уходить в работу и/или демонстративно преувеличивать незначимость прошлого романтического опыта и дистанцированность от него [Иллуз, 2024]. Чрезмерно автобиографическое письмо было бы сродни дневнику, что, по мнению информанта, является скорее женским способом реагирования на жизненные трудности («розовый вайб»). В этом контексте и сам способ разрешения конфликта (насилие) обретает гендерную окраску: информант не пытается рефлексировать по поводу случившегося или разыграть вымышленный диалог с бывшей партнеркой, вместо этого он предпочитает физическое уничтожение любовников⁴. Здесь не следует видеть морализаторского замечания: мы вовсе не утверждаем, что воображаемое убийство любовников является менее предпочтительным и морально предосудительным способом поиска эмоциональной разрядки, нежели погружение в рефлексию по поводу расставания. Как подчеркнул

⁴ Нам удалось ознакомиться с сочинением, о котором идет речь: в нем действительно почти отсутствуют диалоги, большая часть текста посвящена подробному описанию убийства любовников при помощи различных подручных вещей.

информант, акт письма был именно способом выплеснуть эмоции, а не найти какое-либо долгосрочное решение для создавшейся ситуации. Впрочем, что интересно, по словам информанта, письмо стало первым и крайне значимым шагом на пути к «исцелению» от неудачных отношений.

Обратимся к словам еще одного информанта, также подчеркивающего важность письма как средства для эмоциональной разрядки:

«Это были времена ковида. Лето. Одни мои друзья вернулись из Москвы в наш родной город, другие сидели где-то на дачах, третьи еще где-то... Короче, почти два с половиной месяца я сидел один в пустой съемной квартире в Москве. Знаешь, я никогда особо не задумывался об одиночестве, наверное, потому что никогда не был долго один. Но вот тогда меня конкретно так накрыло. Понятно, что я созванивался с людьми по зуму, переписывался, звонил, но вот эта физическая изоляция, плюс еще мысль о том, что где-то там все вместе тысяч, а ты тут один, — это было очень... неприятно... окей, даже больно, можно сказать. В один из вечеров мне буквально захотелось выйти на балкон и орать во весь голос. Я бы выпил, конечно, но чтоб ты понимал, к тому моменту я уже и так пил практически каждый вечер, у меня уже постоянно болела голова и, короче, становилось только хуже... И вот чтобы не сойти с ума, выплеснуть все это накопившееся говно, я открыл ноут и начал писать... Вообще, это был не первый мой опыт, когда я пытался что-то сочинить, но обычно это были стихи, а тут вышла проза... Содержательно это была некая мистерия о том, как ко мне в гости приходит некая девушка, мы пьем, говорим, пьем, говорим, а потом жестко трахаемся... Но нет, это была не какая-то конкретная женщина из моего прошлого... Мне не хотелось удоставить такой чести своих бывших... Вообще, там был такой сюжет, хотя я сейчас уже не супер хорошо помню, что она приходит ко мне как к некоему гуру, что ли, чтобы пройти какую-то инициацию, короче, роль там у меня в этом тексте была довольно менторская. Но секс был отличный, и потом после секса уже, мы как будто поменялись ролями, и я начал плакаться ей о своей жизни, а она — меня утешать [смеется]» (м., 25).

Этот нарратив имеет несколько общих черт с предыдущим. Во-первых, как и в предыдущем случае, толчком к написанию текста послужил переизбыток эмоций, только на этот раз — тоски от одиночества и, вероятно, зависти по отношению к знакомым информанта, которые, в отличие от него, не были вынуждены проводить «ковидное» лето в одиночестве. Во-вторых, в данном нарративе, как и в обсуждавшемся выше, фигурирует образ женщины, однако контекст заметно отличается. С одной стороны, информант в своем письме следует типичной патриархальной стратегии, заключающейся в утверждении доминирующего положения мужчины над женщиной, однако после полового акта герои рассказа как будто обмениваются ролями. Мы не имеем

возможности в рамках этого текста обсуждать этот кейс более подробно (особенно учитывая риски «ухода» в психоаналитические интерпретации), однако важно подчеркнуть гендерно маркированный характер текста, о котором рассказывает информант: он отдельно выделяет то обстоятельство, что описываемая женщина не является конкретной партнершей из его прошлого. Здесь мы снова видим маскулинную стратегию дистанцирования от прошлых романтических отношений, о которой говорилось в анализе предыдущего нарратива: бывшие партнерши не достойны того, чтобы стать героинями прозы, а вымышленная женщина сначала появляется в роли внимательной «слушательницы» просвещенного гуру. Учитывая, что интервью бралось мною (мужчиной), не исключено, что перед лицом другого мужчины информант старался не показаться слабовольным, излишне нежным, романтичным, скупающим по бывшим отношениям человеком — в общем, обладателем любого предиката, не соответствующего представлениям о гегемонной маскулинности. Только лишь в конце повествования появляется замечание о том, что роли информанта и воображаемой посетительницы приобретают инверсивный характер, однако, когда я попросил развить эту мысль, информант увел разговор в другую сторону, из чего можно сделать вывод, что ему было некомфортно говорить о той части сюжета написанного им текста, где он «плакался» своей гостье (по-видимому, художественный вымысел является для информанта (и не только для него одного) местом, где можно дать волю чувствам в большей степени, чем в реальном мире. В целом представления о маскулинности могут быть глубоко интернализированными: оказываясь в пространстве вымысла, писатель-мужчина не получает мгновенного «освобождения» от тех стереотипов, которые могут определять его стратегии действия в повседневной жизни, во многом потому, что эти стереотипы воспринимаются не как навязанные и соблюдающиеся исключительно «для галочки», а как неотъемлемая часть своей субъектности (и при такой трактовке эти представления и практики вовсе не воспринимаются как стереотипы; более того, они становятся настолько привычными и рутинными, что для их носителей они в какой-то степени невидимы и неосознаваемы).

Функция 2. Эстетизация тяжелого повседневного опыта

«Где-то на третьем курсе лита [Литературный институт им. Горького. — Прим. автора] я устроился на работу в Мак. Мне тогда надоело брать деньги у родителей на съем квартиры, и я решил справиться с этим вопросом самостоятельно, тем более что на третьем курсе пар стало меньше, и я подумал, что смогу совмещать работу с учебой без серьезной потери качества... Учился я хорошо, много читал, все, что задавали, тем более что я в плане чтения довольно всеядный человек, поэтому, в отличие от многих — да что там многих — почти всех [смеется] моих однокурсников, мне реально нравилось читать то, что нам задавали. Но вот что касается творчества, а я посещал семинары прозы, то все шло как-то не очень. Мне кажется, меня можно было

назвать усидчивым, но довольно бесталанным студентом [смеется]. Я говорю так, потому что есть ребята, которые довольно безответственно относятся к чтению, к изучению языков, к такой учебной рутине, но они пишут реально классные тексты, и к ним, мне кажется, отношение чуть получше, чем к таким трудягам, как я [смеется]. Ну, оно и понятно, потому что это все-таки творческий вуз, тут как бы учат писать, мы не филологи, и поэтому прежде всего ценится умение писать [...]. Так, немного отвлекся. На момент, когда я устроился в Мак, я что-то писал, но это были средние тексты, мне самому они не нравились. И вот где-то спустя недели три работы в Маке я начал так уставать, что это стало практически невыносимым. Целый день бегаешь туда-сюда, если что, я работал на кухне, к концу смены в глазах двоится, руки трясутся, весь потный, и, что самое главное, я выходил с работы ужасно злой, ненавидящий весь мир... И чтобы как-то совладать с эмоциями, я стал после работы писать своего рода рабочие заметки, я там немного преувеличивал степень кринжа, которая со мной происходила на работе, но я просто развлекался. В какой-то момент у меня накопилось страниц 20 таких заметок, и я подумал, а почему бы не показать их на семинаре? И это был просто фурор. Всем очень понравилось, и из-за этого мне стала даже нравиться моя работа. Ну, не прям нравится, а я стал относиться к ней более терпимо — как к опыту, который можно пережить и классно описать, то есть найти в нем материал для письма, для творчества. Оказалось, что этот ужас фастфудной жизни может быть по-своему красив, а еще я стал воспринимать себя практически таким рабочим поэтом по типу Маяковского. Вот я как истинный мужик-пролетарий хожу на условный завод, а потом пишу о тяготах этого труда. Настоящий борец» (м., 29).

Данный нарратив имеет как минимум одну общую черту с предыдущими — здесь акт письма также имеет своей целью снять напряжение после переживания стрессовой ситуации (снова речь идет о необходимости совладения с эмоциями). Однако в данном случае стресс, переживаемый информантом, почти ежедневный, и разовый выплеск эмоций посредством письма вряд ли оказался бы действенным. Регулярное письмо после работы помогает не столько разрядиться, сколько найти в рабочих буднях своего рода красоту и отнестись к собственному положению терпимее, сделать привычное непривычным и потому удивительным и захватывающим [Шкловский, 1929]. Кроме того, информант с удивлением для себя обнаруживает, что тексты, первоначально не претендовавшие на статус чего-либо серьезного, заслуживающего демонстрации (относительно) широкой публике, оказываются значительно успешнее в глазах сокурсников и преподавателей, чем все, что он до сих пор писал в процессе обучения. Одно из общих мест в обучении писательскому мастерству — рекомендация писать о том, «в чем разбираешься», или «что тебе близко» (см., например, [Бротиган, 2021: 126]. Как отмечал информант в другой части интервью, первоначально он старался «придумывать» истории, из-за чего они выглядели несколько «карикатурно»,

так как он не был достаточно погружен в фактологические детали того, что описывал, а жизненный опыт, по его собственному признанию, был довольно скудным, поскольку большую часть времени он проводил за чтением книг и в узком кругу друзей. Обращение к собственному опыту работы оказалось выигрышной стратегией (хотя и реализуемой не вполне осознанно), поскольку теперь информант писал о том, что переживал каждый вечер. Кроме того, необходимость выплеснуть эмоции превращает письмо не столько в рациональный акт производства текста, написание которого преследует определенные цели (признание в среде Литературного института), сколько в импульсивный порыв, тем самым снижая потенциал для самокритики, который, в свою очередь, нередко становится препятствием для письма.

Информант отмечает, что при попытке эстетизировать свой опыт работы в ресторане быстрого питания он мысленно сравнивал себя с рабочими поэтами: использовались такие выражения, как «мужик-пролетарий» и «настоящий борец». В другой части своего рассказа информант особо выделяет опыт преодоления тяжелых условий труда (что действительно во многом созвучно многим образцам пролетарской поэзии [Стейнберг, 2022]), в то время как факт того, что он работал в сфере услуг, напротив, отодвигается на второй план. Такая расстановка акцентов гендерно окрашена: информант как «истинный мужчина» физическим трудом добивается выживания в суровой реальности — и именно это оказывается главным, а не то, что порой приходится использовать деланную вежливость, чтобы угодить очередному недовольному клиенту, что, конечно, уже не столь гладко встраивается в бесшовный дискурс о мужской борьбе за выживание:

«Ну да, иногда приходится лебезить перед этими людьми, которым там соус не доложили или что-то такое <...>. Понятное дело, что я такие моменты ненавижу, и они хуже всего. Что я с этим делаю? Ничего. Тупо забиваю» (м. 29).

Рассмотрим еще один нарратив, в котором имеет место эстетизация повседневности:

«Я тогда учился в маге [магистратуре. — Прим. автора], пар не было, нигде не работал, потому что была приличная стипендия и жилье снимать не было нужно. Был ковид, я сидел дома, выползал в подпольные бары с друзьями раз в неделю-две. Было довольно тошно. Я пил по образу и подобию Буковски. Разве что на ставках на лошадей не играл и подержанный фольксваген не водил. Естественно, начинающий автор бессознательно будет имитировать своих кумиров, в особенности тех, кого читаешь сейчас. Я к тому моменту прочитал уже почти всего Буковски, но оставалась пара сборничков — вот их я тогда и дочитывал. По-моему, “Музыку горячей воды” и “Из блокнота в винных пятнах”. Я писал от нечего делать. Я писал, потому что, если описывать опыт такого идиотского, невыносимого для самого себя пьянства, которым я занимался, оно обретает

*смысл. Становится красивым. Не потому, что ты его красиво описываешь. Не очень понимаю, как можно красиво описать, как ты блюешь в тазик с утра. Если хочешь красивых описаний, тогда просто не описывай такие детали. Но я их описывал, потому что это было честно. Только так картина будет полной, как Чарльз [Буковски] завещал. Красивой эта мерзость становится, потому что зафиксированная она становится частью истории. Если повезет — прочтут. Если нет — частью твоей истории. В противоречивости есть красота. В том, что это осталось во времени. Проза Буковски никогда не казалась мне отвратительной. Другое дело, условная Вуртцель. Я понимаю, что это какая-то гендерная ***, но я могу спокойно читать о том, как спивается мужик, но когда спивается женщина — мне то ли жалко ее, то ли мерзко. К мужчинам у меня обычно нет ни жалости, ни отвращения» (м., 25).*

Как и другой наш информант, оказавшись в «ковидной ловушке», рассказчик сталкивается с проблемой изоляции, подкрепленной (впрочем, добровольной) безработицей. Как уже говорилось выше, многие мужчины пытаются «решить» свои проблемы посредством употребления алкоголя. Однако в данном случае выпивание совмещается с письменным фиксированием обстоятельств пьянства. Письмо имеет своей целью эстетизацию, которая, в свою очередь, наделяет акт выпивания смыслом. Информант признается, что пил «идиотски», «невыносимо для самого себя», но письмо превращало этот безыдейный процесс поглощения спиртного в творчество. Резонно задаться вопросом: можно ли говорить, что в данном случае письмо выполняет акт самопсихотерапии, если оно не способствует прекращению пьянства, а, быть может, и до некоторой степени закрепляет подобную стратегию действия, придавая ей эстетический и экзистенциальный смысл? В нашей трактовке в рассматриваемом случае все-таки имеет место терапевтический эффект, так как сам информант утверждает, что письмо помогало ему справляться с вынужденной изоляцией (вероятно, информант мог бы пить еще больше, если бы не писал).

Этот нарратив представляется менее гендерно специфичным, нежели предыдущие, за исключением последних реплик. Информант отдает себе отчет в том, что его оценка (как кажется, противоречащая его стремлению к отказу от навешивания моральных ярлыков) прозы Вуртцель, внешне похожей на работы Буковски⁵, является следствием установки, что женское пьянство хуже

⁵ Мы говорим лишь о внешней схожести прозы Буковски и Вуртцель, поскольку в обоих случаях описывается опыт обильного употребления психоактивных веществ (в случае Буковски — зачастую алкоголя, в случае Вуртцель — в большей степени наркотиков, однако алкоголь также фигурирует в ее прозе), но отношение у авторов к этому опыту принципиально разное. Буковски практически не рефлексирует о своем выпивании, а если и делает это, то чаще в шутливой или в возвышающей алкоголь манере. Вуртцель же, напротив, много рассуждает о негативном влиянии наркотиков на собственную субъектность. Рискнем предположить, что, быть может, отвращение информанта к прозе Вуртцель связано не только с тем, что речь идет о женском алкоголизме, который в его восприятии выглядит значительно хуже мужского, сколько с тем, что проза Вуртцель крайне открыта и заиклена на ней самой. Как показало другое наше исследование, некоторым мужчинам довольно тяжело дается чтение крайне эмоциональной прозы (или она им попросту неинтересна).

мужского. Это обстоятельство заставляет еще раз задуматься о том, насколько глубоко интернализуются те или иные гендерно маркированные модели оценки и действия, что даже при наличии понимания у актора социально сконструированного характера такого восприятия информант все же не может преодолеть своего отвращения (и жалости) к произведениям Вуртцель.

Функция 3. ИмPLICITное общение с людьми посредством текста

«Мы с моей тогдашней женщиной ходили в один и тот же кружок журналистики. На самом деле это был скорее кружок по интересам, потому что журналистикой как таковой мы там почти не занимались, потому что у нас был очень странный препод, который когда-то в молодости писал какие-то репортажи, а потом ушел в художку. Опубликовал, кстати, несколько околосторических книг, такой нон-фикшн, я ни одной не читал, но их даже можно было купить на Озоне, но не суть. Суть в том, что мы с моей женщиной конфликтовали тогда по какому-то поводу, думаю, сейчас это не принципиально. И у меня был такой затык: с ней было очень тяжело разговаривать в такие моменты. Я не хочу [сказать], что проблема была в ней. Скорее во мне. Мне было тяжело как-то аккумулировать свои мысли и сказать ей то, что я действительно хочу сказать. Это и проблема коммуникации в целом, и того, что я не особо умею говорить всякие приятные трогательные вещи, из меня это не идет. Не буду сейчас уходить во всю эту психологию, суть просто в том, что донести до нее мысль мне было тяжело. И тогда я решил пойти ва-банк и написать небольшой текст как бы о наших отношениях. По содержанию это был монолог мужчины, который только что развелся с женой и как бы вспоминает об их проблемах в отношениях и жалеет о том, что все так получилось. И там было много нежных штук, не свойственных мне в обычной речи. Забыл сказать: у нас была такая фишка, что мы обычно зачитывали друг другу свои тексты вслух, благо они обычно были небольшие. И я попросил Л. [имя тогдашней партнерши информанта] прочитать текст, который я написал. Это была своего рода подстава, потому что, с одной стороны, он был извинительный, с другой — там довольно подробно описывались наши отношения. Понятное дело, что никто в аудитории об этом не знал, но она знала. В этом и была фишка. Но это был риск — я не знал, как она отреагирует. И вот она, ничего не подозревая, начинает вслух зачитывать этот текст [смеется]. И чем дальше она читала, тем больше ее лицо становилось... Даже не знаю, как сказать. Какая-то помесь злости и умиления. Если такое в принципе возможно. Ближе к концу текста она практически заплакала, и все это заметили. Короче, когда она зачитала, то бросила листы на стол и буквально выбежала из кабинета. Я остался сидеть, чтобы послушать реакцию людей. Я помню, Х. [фамилия преподавателя. — Прим. автора] тогда

еще сказал: какая эмоциональная вещь, Елена явно впечатлена <...>. Потом у нас состоялся довольно эмоциональный разговор, но по итогу мы обнялись» (м., 21).

Эта история — яркая иллюстрация того, что мужчины могут испытывать серьезные трудности с выражением своих глубоко личных эмоций в эксплицитной форме, что подчеркивается во многих исследованиях гендера [Connell, 2000; Kindlon, Thompson, 1999]. Зачастую такое положение вещей связывается с особенностями мужской социализации, в ходе которой мужчинам прививается соответствующая гегемонной маскулинности установка на сокрытие глубинных эмоций. Конечно, здесь стоит быть аккуратным в интерпретациях. Не стоит путать неумение демонстрировать эмоции и нежелание это делать ввиду неформальных или формальных санкций со стороны других акторов. Однако неумение может быть прямым следствием запрета и/или осуждения выражения эмоций. Мы недостаточно знаем биографию информанта, чтобы однозначно сказать, что стало причиной его сложностей с экспликацией своих чувств в процессе разговоров с партнершей, однако важно, что именно письмо оказалось способом преодоления этой трудности. Возникает резонный вопрос: почему нельзя было проделать приблизительно то же самое, допустим, в формате текстового сообщения в мессенджере? По нашей гипотезе, ответом на этот вопрос могут стать два соображения. Во-первых, в этом, как и в других случаях, обсуждавшихся выше, художественное письмо создает дистанцию между автором и тем, что он описывает, т.е. возникает некое расцепление между текстом и его автором, что может служить своего рода «психологической защитой» от собственного опыта и от его оценки со стороны других. В литературоведении распространен тезис о том, что текст не является прямым результатом авторского замысла, а представляет собой ассамбляж различного рода факторов, и роль авторской интенции далеко не главная. Кроме того, сами авторы нередко просят не отождествлять их личности с производимыми ими текстами и тем более с персонажами, в них описываемыми. Во-вторых, информант, вероятно, хотел не только разрешить конфликт с партнершей⁶, но и получить признание публики: оказываясь внутри литературного поля (пускай и узкого), актер начинает иметь в виду хоть и скромные, но все же ставки, которые могут быть в нем разыграны.

Несмотря на то что художественное письмо может быть для мужчин терапевтической практикой, нельзя не упомянуть и о сложностях, возникающих у тех, кто пытается прибегнуть к писательству как способу совладания с жизненными трудностями.

⁶ В целом желание впечатлить женщину — распространенная причина, почему мужчины берутся за написание художественных текстов. К примеру, известно, что один из самых значимых и объемных романов XX века, «Бесконечная шутка», был написан в надежде завоевать внимание тогдашней возлюбленной Фостера Уоллеса — поэтессы Мэри Карр (эта попытка не увенчалась успехом).

Парадокс 1. Сочинять истории — не мужское дело

«Я тогда был в глубоком кризисе. Отношений не было уже больше двух лет, в работе тоже вдохновения не было, общение с друзьями как-то приелось, и я все чаще сливался с общих тусовок, чтобы просто посидеть дома и поиграть в плейку или посмотреть теннис. Летом на каникулах я уехал домой к предкам. Я так практически никогда не делал, в обычное, более-менее благополучное время я приезжал максимум на недели две в конце августа, а тут решил прям конкретно на все летоть, чтобы, так сказать, изъять себя от этой за...шей столичной атмосферы, ну и плюс от необходимости с кем-то тусоваться... Большую часть времени я спал, а когда не спал, то писал что-то типа автобиографии, ну, это скорее был автофикшн, потому что писать дословный пересказ собственной жизни мне было не особо интересно, а совмещение фактов с вымышленными деталями позволяло посмотреть на события собственной жизни под несколько другим углом. Не знаю, ты смотрел фильм “Эффект бабочки?” Вот что-то типа такого: а что если так, а что если сяк, а что если эдак? Все это не так интересно — интересно другое. Как на это реагировал мой дорогой отец. Постоянно подходил и за...л меня: что ты там строчишь? Плохо? Иди спортом займись, запишись в зал, в бассейн, смотри, как уже заплыл весь. Или прогуляйся. В общем, такие типичные деятельно-мужские советы, он бы мне еще предложил там ремонт сделать, полку прибить, что-то в таком духе. Помогло ли мне это? Слушай, понятно, что проблем как таковых это не решило, но во всяком случае убило, нет, не убило, лучше сказать — заняло время» (м., 28).

В этом нарративе присутствует мысль о том, что письмо — не вполне «мужское дело». Отец информанта настойчиво предлагает переживающему тяжелый период сыну заняться другими делами, требующими физической вовлеченности, большего вовлечения в «реальный мир». Эта установка согласуется с выводами ряда гендерных работ, в которых подчеркивается, что типичной чертой маскулинности является стремление к деятельному преобразованию внешнего мира и активное вовлечение в различного рода коллективные практики [Моссе, 2023]. Увлеченное чтение, которому могут предаваться мальчики, часто рассматривается как нечто негативное, не соответствующее «мужской» логике поведения, так как оно требует уединения и в глазах читающего может оказываться более ценным, чем, к примеру, подвижные игры со сверстниками во дворе [Sanderson, 1995: 152–167]. Несмотря на то что в последнее время все активнее звучит тезис о том, что чтение художественной литературы может быть не только банальным способом побега от житейских проблем, но и может служить как познанию себя, так и окружающего мира [Thumala Olave, 2022], эта мысль является скорее вызывающей и провокационной, нежели очевидной. Когда речь идет о чтении художественной литературы или о творческом письме, возможно, не следует

понимать «пользу» от занятий литературой как некие дивиденды, обладание которыми становится возможным в ближайшем будущем и которые имеют легкодоступный для внешнего наблюдателя характер. К примеру, в данном случае информант говорит, что письмо позволило ему обрести внутреннее спокойствие, которое, в свою очередь, через несколько месяцев поспособствовало его активному возвращению к работе. Но этот эффект был отложенным.

Парадокс 2. Письмо должно иметь результат: либо доход, либо признание

Далеко не всегда перед пишущими мужчинами стоит задача «обоснования» [Болтански, Лоран, 2013] собственных действий перед другими, однако когда такая необходимость возникает, как становится ясно из приводимого ниже нарратива, «оправдывающийся» может столкнуться с непониманием даже со стороны близких людей:

*«Кажется, что в глазах людей писательство является до сих пор чем-то странным, чудаковатым, местечковым и даже придурочным. И это при том, что большинство великих писателей — мужчины!» Вот, допустим, мне нужно хотя бы четыре вечера в неделю писать, чтобы чувствовать себя нормально. По-моему, у многих писателей, сейчас точно не вспомню у кого, присутствует мысль о том, что нужно писать, чтобы не сойти с ума. Вот у меня похожая история. Но К. [девушка, проживающая с информантом. — Прим. автора] постоянно по вечерам, когда я пытаюсь писать, пилит мне мозг <...>. Мы живем в однушке-студии, и мне просто некуда от нее деться. Я надеваю наушники, чтобы ее не слышать, но это бесполезно... И знаешь, какие у нее упрёки? Первый, и самый очевидный, что я не уделяю ей достаточно времени. Ну, это классика. Хотя в свое оправдание могу сказать, что в выходные мы проводим время вместе, и я никакими серьезными делами не занимаюсь. Но второй ее загон меня просто убивает: мол, если уж ты так любишь писать, то публикуйся, ***! Давай тут сразу поясним — я не к тому, что она алчная. Она не из тех дам, которые постоянно требуют каких-то неадекватных дорогих штук и вообще сидят на шее, я с такой быть и жить не стал. Понятно, что всегда хочется больше денег, но в нашем случае это не проблема, именно по поводу финансов у нас никогда не было ссор. Но — и это большое НО — для нее это выглядит так: если я пишу и трачу на это много, хочу отметить, по ее мнению, много времени, то должен быть так называемый результат. То есть я постоянно слышу «ну так отдай в издательство, если тебе это так нравится». Там проскальзывают шуточки вроде «хоть деньги на этом заработаешь», но это скорее прикол, а не серьезный*

⁷ Здесь стоит отметить, что такой перекоп в сторону доминирующего положения в литературном поле текстов, написанных мужчинами, обусловлен в первую очередь тем, что вплоть до недавнего времени (приблизительно до конца XX века) женщины в большинстве своем не имели возможности активно писать и продвигать свои тексты на рынке в силу целого ряда гендерно обусловленных дисбалансов.

тейк. Для нее просто должна быть конвертация деятельности в результат. И как ей объяснишь, что здесь нет результата, кроме моего кайфа, расслабления, отдушины и всего такого? То есть ей часами залипать на какие-то фиготины в Wildberries можно, а мне писать нельзя? К слову, она там просто залипает, почти никогда ничего не покупает, а если заказывает, то часто возвращает» (м., 30).

В этом нарративе, во-первых, снова подчеркивается конфликт интересов: письмо требует уединения, и, как следствие, информант не может уделять вечернее время своей партнерше. Здесь важно отметить, что любительское письмо практикуется в основном дома в свободное время, т.е. в пространстве и во времени, которые потенциально могли бы быть доступны для взаимодействия с членами домохозяйства. Во-вторых, примечательным кажется отношение партнерши информанта к его творческой активности. Она не настаивает на том, чтобы его увлечение конвертировалось в экономические дивиденды для их пары, но не понимает, зачем тратить столько времени на то, что не приносит наблюдаемого результата. При этом, как отмечает информант, сама девушка тратит время на довольно бессмысленное с его точки зрения занятие, а именно — просмотр вещей на *Wildberries*, однако письмо — это то, что потенциально может быть конвертировано в публикации, которые, в свою очередь, могут принести известность и доход. Возможность преобразования любительской практики в профессиональную деятельность нередко оказывается бременем как в глазах самих информантов (невозможность творческого успеха по ряду причин), так и в глазах их ближайшего окружения (зачем тратить время на странное хобби, которое можно превратить в профессию?). Таким образом, письмо блокирует возможность уделять время другим, но при этом не приносит никакой внешне наблюдаемой выгоды, что делает его нежелательной (непонимаемой) активностью с точки зрения сторонних наблюдателей. Впрочем, результат письма очевиден самому информанту: эмоциональное благополучие. В этой части интервью и в других частях беседы информант нередко отмечал, что письмо является для него насущной необходимостью. Невозможность писать становится равнозначной сумасшествию. Здесь возникает резонный вопрос: не превращается ли в таком случае терапевтическая практика в своего рода зависимость? Большинство исследователей сходятся во мнении, что зависимость обычно имеет негативные последствия для зависимого и для его социального окружения. Если письмо и может стать своего рода зависимостью, то, вероятно, не стоит ожидать, что такая зависимость будет иметь разрушительный характер для личности пишущего.

Парадокс 3. Дилемма: между самовыражением и успехом

Во введении мы упоминали, что специфика любительского письма не подразумевает ярко выраженного стремления к достижениям в литературном поле. Однако чем дольше пишет автор, тем выше вероятность, что такое стремление сформируется. Приводимый ниже нарратив представляет собой пример именно такого случая.

*«Проблемы возникли, когда у меня накопилось приличное количество материала, и я начал пробовать подавать тексты в разные литературные журналы. В одном мне ответили отказом, в двух других просто не ответили. Я читал тексты из тех изданий, куда отправлял свои. И у меня не было ощущения, что мои как-то сильно хуже по качеству. Возможно, здесь имеют вес какие-то связи, статус, опыт публикаций и так далее. Но знаешь, я не бросил писать, наоборот, стал писать даже больше, ответственнее, дисциплинированнее, если так можно сказать, по несколько часов в день, без оправданий. И в какой-то момент я поймал себя на мысли, что я не только перестал получать от этого удовольствие, но что у меня развился какой-то невроз, я постоянно думал: а как это будет воспринято, а это как, а здесь как написать? Я стал плохо спать, я постоянно нервничал из-за того, что что-то делаю не так. Так продолжалось где-то полгода, я предпринял еще несколько попыток отправить тексты в журналы, но результат не изменился. Потом я сказал себе, что не надо превращать эту отдушину в работу. Нет — так нет. Идите ***. Я не хотел писать каким-то определенным образом, чтобы это было принято. Многие ныне известные авторы долгое время получали отказы, потому что их тексты были слишком искренними, слишком личными, неудобными, непрофессиональными по чьему-то говенному мнению. Так что ничего — пишем и работаем дальше» (м., 24).*

Письмо, первоначально являвшееся хобби и терапией, в данном случае само становится поводом для стресса, поскольку оно не обретает признания в литературном поле. Информант подчеркивает (нас не интересует справедливость его высказывания), что отказы связаны не с качеством текста, а с тем, что они слишком *личные* и *эмоциональные*. Перед пишущим возникает своего рода дилемма: изменить стиль письма или продолжать писать так, чтобы текст сохранял свою терапевтическую функцию, однако при этом, по-видимому, придется пожертвовать успехом. Информант выбирает последнюю стратегию, потому что для него письмо — в первую очередь терапия, а не работа (хотя он подчеркивает, что стал писать еще усерднее; возможно, в будущем он еще предпримет попытки опубликоваться).

Заключение

Мы выделили и описали терапевтические функции художественного письма: выплеск эмоций, эстетизация тяжелого повседневного опыта, имплицитное общение с людьми посредством текста. Однако выделение этих функций — лишь первый шаг на пути к более детальному изучению мужского любительского письма в целом и его терапевтических аспектов в частности. Кроме того, сами по себе эти функции едва ли имеют жесткую привязку к гендеру. Мы не исключаем, что изучение женского непрофессионального письма приведет к выведению схожего функционала. Пользуясь хорошо известной социологам парой «формы» и «содержания», введенной в социологический

обиход Георгом Зиммелем, мы рискнули бы предположить, что функции представляют собой некую форму (возможно, гендерно нейтральную), в то время как нарративы информантов, детально описывающих механизмы работы этих функций, явно гендерно маркированы и часто (хотя и не всегда) следуют логике гегемонной маскулинности. Помимо терапевтических функций письма, мы обнаружили ряд сложностей и парадоксов, сопряженных с этой творческой деятельностью и зачастую имеющих гендерный характер. Прежде всего это негативное восприятие окружающими: либо оценка увлечения письмом как несоответствующего «легитимному» занятию для мужчины, либо непонимание того, почему эта деятельность не трансформируется в профессиональную деятельность. Также мы описали проблематичность перехода от любительского письма к профессиональному: со временем целеполагание может трансформироваться, и желание писать «для себя» уступит место желанию публиковаться.

Более подробный анализ и возможная систематизация полученных нарративов уже не в функциональной, а в иных логиках — задача будущих работ.

Литература / References

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии городов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Boltanski L., Teveno L. (2013) *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Oчерki sociologii gradov* [Critique and Justification of Justice: Essays on the Sociology of Cities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Бротиган Р. Уиллард и его кегебальные призы. М.: Эксмо, 2021.

Brautigan R. (2021) *Uillard i ego kegebalnnye prizy* [Willard and His Bowling Trophies]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

Бурдьё П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.

Bourdieu P. (2000) The Literary Field. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. No. 45. P. 22–87. (In Russ.)

Иллюз Е. Почему любовь уходит? М., Б.: Директмедиа Паблишинг, 2024. EDN: TSTTHE

Illouz E. (2024) *Pochemu lyubov uhodit?* [Unloving]. Moscow, Berlin: Direktmedia Publishing. (In Russ.)

Моссе Д. Образ мужчины. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023.

Mosse J. (2023) *Obraz muzhchiny* [The Image of Man]. SPb.: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Самутина Н. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 137–194. EDN: RWXZMF

Samutina N. (2013) The Great Female Readers: Fan Fiction as a Literary Experience. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 12. No. 3. P. 137–194.

Самутина Н. Японские комиксы манга в России: введение в проблематику чтения // Новое литературное обозрение. 2019. № 160. С. 307–321. EDN: ZRLGPL

Samutina N. (2019) Japanese Manga in Russia: Introduction to Research on Reading Practices. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. No. 160. P. 307–321.

Симонова О. «Эмоциональная разметка» психотерапевтической культуры: императивы, идейные противоречия и линии анализа // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 1. С. 7–24. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24>

Simonova O. (2024) The “Emotional Markup” of Psychotherapeutic Culture: Imperatives, Ideational Contradictions, and Lines of Analysis. *Zhurnal issledovaniy socialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 22. No. 1. P. 7–24. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24>

- Шкловский В. О теории прозы. М.: Издательство «Федерация», 1929.
- Shklovsky V. (1929) *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow: Izdatelstvo "Federaciya". (In Russ.)
- Addis M. (2008) Gender and Depression in Men. *Clinical Psychology: Science and Practice*. Vol. 15. No. 3. P. 153–168. DOI: <https://doi.org/10.1111/J.1468-2850.2008.00125.X>
- Bourdieu P. (1996) *Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Busse K. (2017) *Framing Fan Fiction: Literary and Social Practices in Fan Fiction Communities*. Iowa City: University of Iowa Press.
- Cleary A. (2012) Suicidal Action, Emotional Expression, and the Performance of Masculinities. *Social Science and Medicine*. No. 74. P. 498–505. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2011.08.002>
- Connell R. (1995) *Masculinities*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
- Connell R. (2000) *The Men and the Boys*. Cambridge: Polity Press.
- Emslie C., Ridge D., Ziebland S., Hunt K. (2006) Men's Accounts of Depression: Reconstructing or Resisting Hegemonic Masculinity?. *Social Science & Medicine*. No. 62. P. 2246–2257. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.10.017>
- Glukhova M. (2024) Two Generations of Depression: Discourses of Emotions. Autobiographical Texts by in Russian Men's. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 22. No. 1. P. 43–58. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-43-58>
- Kindlon D., Thompson M. (1999) *Raising Cain*. New York: Ballantine Books.
- Madsen O.J. (2018) *The Psychologization of Society: On the Unfolding of the Therapeutic in Norway*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9566.12901>
- Rimke H.M. (2000) Governing Citizens through Self-Help Literature. *Cultural Studies*. Vol. 14. No. 1. P. 61–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/095023800334986>
- Sanderson G. (1995) Being "Cool" and a Reader. In: R. Browne, R. Fletcher (eds.) *Boys in Schools*. Sydney: Finch Publishing. P. 152–167.
- Seidler Z., Dawes A., Rice S., Oliffe J., Dhillon H. (2016) The Role of Masculinity in Men's Help-seeking for Depression: A Systematic Review. *Clinical Psychology Review*. No. 49. P. 106–118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2016.09.002>
- Swidler A. (1986) Culture in Action: Symbols and Strategies. *American Sociological Review*. Vol. 51. No. 2. P. 273–286. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095521>
- Thumala Olave M. A. (2022) Reading Matters: Toward a Cultural Sociology of Reading. *The Cultural Sociology of Reading*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 19–62. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-017-0034-x>
- Vana J. (2020) Theorizing the Social through Literary Fiction: For a New Sociology of Literature. *Cultural Sociology*. Vol. 14. No. 2. P. 180–200. DOI: <https://doi.org/10.1177/1749975520922469>

Сведения об авторе:

Котельников Максим Павлович — магистр социологии, аспирант факультета социальных наук, стажер-исследователь Центра социологии культуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; преподаватель, МВШСЭН, Москва, Россия. **E-mail:** maximant13@yandex.ru. **ORCID ID:** 0000-0003-3946-6636.

Статья поступила в редакцию: 07.10.2024

Принята к публикации: 09.12.2024

БАК: 5.4.6

Amateur Literary Creativity of Men as a Form of Self-Psychotherapy

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.4

Maksim P. Kotelnikov HSE University, Moscow, Russia
E-mail: maximant13@yandex.ru

In this article, we propose to look at amateur literary creativity (writing) as a self-therapeutic practice. Based on 11 in-depth interviews with male amateur writers, we demonstrate that writing can be both a way to solve life's problems and a means of helping to change one's attitude towards them. We highlight several basic functions of artistic writing (in addition to the struggle for cultural and economic recognition in the literary field, which were already discussed by Bourdieu): an outburst of emotions, aestheticization of difficult everyday experience, implicit communication with people through text. However, despite the fact that writing can have a positive effect on the well-being and action strategies of informants, we also note a number of difficulties associated with the implementation of this practice. The study demonstrates that sometimes male writers (especially at a young age) face the reproach that "writing is not a man's business". In particular, informants point out that their passion for writing is not perceived (by partners, friends, relatives, etc.) as significant or even existential for their lives if it does not bring income and success. Finally, the last difficulty associated with amateur writing is the dilemma that arises when trying to publish their manuscripts. Informants who have been rejected are faced with the problem of making their work "convenient" for the needs of publishers (thereby depriving themselves of writing as a practice of self-therapy), or continuing to write in such a way that writing continues to perform a therapeutic function, but agreeing to obscurity.

Keywords: literary writing; gender; therapeutic culture; literary field

Author Bio:

Maksim P. Kotelnikov — MA in Sociology, Graduate Student, Faculty of Social Sciences, Trainee-Researcher, Center for Cultural Sociology, HSE University; Teacher, MSSSES, Moscow, Russia. **E-mail:** maximant13@yandex.ru. **ORCID ID:** 0000-0003-3946-6636.

Received: 07.10.2024

Accepted: 09.12.2024